

* * *

Все думали, что с Гитлером война
продолжится не годы, а недели.
И, сев у затемнённого окна,
с надеждой в репродукторы глядели.

Как будто возвестить мог Левитан,
что, накопив войска свои поодаль,
мы совершили яростный таран
и прорвались на Вислу и на Одер.

И что часы фашистов сочтены
и в Руре пролетарии восстали...
Но мы уже оставили Ромны
и к Харькову с боями отступали.

И мать моя, беременная мной,
не ожидая помощи Европы,
по выходным копала под Москвой
крутые, полных профилей окопы.

30 АПРЕЛЯ 1945

В Москве снимали затемнение,
освобождали свет от пут,
поскольку подтверждалось мнение,
что скоро Гитлеру капут.

Пока он корчился, как пария,
с предсмертной пеной на устах,
пока Егоров и Кантария
сквозь дым взбирались на рейхстаг,

я жизнь налаживал в песочнице,
о зле не зная и добре,
и мама мыла раму – в точности
как на картинке в букваре.

И штора плотная, бумажная,
как ночь вощёная черна,
уже нисколечко не страшная,
сползала с нашего окна.

Мерцали звёзды растревоженно
в невыносимой вышине,
как будто так им и положено –
не оставаться в стороне.

И вился ворон озадаченно
над озарённой Москвой,
ещё не зная, что назначено
мне пасть на третьей мировой.

* * *

Льву Аннинскому

Уходит в ночную темь
последний из могикан.
Его ледяная тень
блуждает по облакам.
Слетают с деревьев листы
на воды великих рек.
И все сожжены мосты,
ведущие в прошлый век.

* * *

Я старый поэт. Я устал от рифмованных строк:
от ямбов, хореев, орфеев, сонетов, куплетов, эклог.
От буйственных гениев, рвущихся на пьедестал,
От местоимений, Господи, как я устал!

Забудем о Данте (забаньте!) – спасибо ему за труды,
и в терпкое кьянти (аванти!) добавим немного воды.
Пусть в прозе витийствуют Гракхи, струится отравленный Тибр,
И мой амфибрахий уже переходит в верлибр.

Довольно певучих созвучий – уже наши годы не те!
Пребудем в могучей, ползучей, блаженной, немой глухоте.
И в мире, что сладостно замер, оставим на крайний момент
один лишь гекзаметр, чтоб им говорил президент.

...Сколь славно в разгаре сезона пуститься в страну дураков.
«Стихи – это вздор-с», – как резонно заметил мой друг Смердяков.
И впрямь – неразумно у Стикса с собой рифмовать бытие,
покуда подобием икса блуждает бессмертье твоё.

А мы-то с тобой предисловью привержены больше – и, глядь,
там кровь повязалась с любовью – да так, что уже не разъять.
Всё те же Обводный и Крюков и та же всё тень над Невой.
Но разве готов ради звуков ты жертвовать жизнью самой?

* * *

Я давно перешёл за порог
двадцать первого века.
От него я, пожалуй, далёк,
как от альфы – омега.

Не будите меня по утрам
ни подруги, ни дети.
Я, наверное, всё ещё там –
в миновавшем столетии,

где дурных не бывает вестей
и исходов летальных,
где блаженство любовных сетей,
а не блажь социальных.

Может, памятью я слабоват –
но на зависть европам
выдавал телефон-автомат
газировку с сиропом.

И зазывно гремели хиты
по местам по отхожим,
где девчата дарили цветы
одиноким прохожим.

Брёл трамвай по Арбату – поди
без забот о ночлеге.
И к утру заметали пути
прошлогодние снега.

Затевали снежинки в окне
свой ленивый балетик.
И вручала кондукторша мне
мой счастливый билетик –

словно пропуск в иную страну –
там, где небо в алмазах.
...И неужто его я верну,
как Иван Карамазов?

* * *

В старом парке, полном листьев прелых,
никого на свете не любя,
постоялец дома престарелых,
я напрасно буду ждать тебя.

Словно витязь в заржавелых латах,
усмехнусь на собственный закат,
разминая в пальцах узловатых
сигарету фабрики «Дукат».

И согласно тайным предпочтениям,
в стороне от пламенных идей

с ужина припрятанным печеньем
угощу надменных лебедей.

Но внезапно сузится аллея,
и, нездешний источая свет,
как комета грозная Галлея,
явится твой нежный силуэт.

Ошалев от этого подарка,
я рванусь – как из кувшина джин.
«Пациент, – мне скажет санитарка, –
как не стыдно нарушать режим!»